

Письма къ читателямъ.

Невидимое становится понятнымъ, благодаря его аналогіи съ видимымъ, и это оттого, что видимое бытіе—не что иное, какъ отраженіе бытія невидимаго.

А. Безантъ.

Человѣкъ совершенствуется благодаря учрежденіямъ и привычкамъ, которыя направлены къ тому, чтобы сдѣлать благо всѣхъ благомъ каждаго.

Проф. Гринъ.

Если къ историческому процессу подойти съ внѣшней стороны и разсматривать его видимости, то мы не увидимъ ничего, кромѣ непрестанныхъ столкновений и напряженной борьбы. Народы борются между собой изъ-за первенства, различные классы борются изъ-за власти и привилегій, за временной побѣдой слѣдуетъ временное затишье, а затѣмъ—снова неудовлетвореніе, и въ новыхъ условіяхъ возникаютъ новыя исканія и новый опытъ. И мы видимъ какъ этотъ дѣятельный опытъ захватываетъ все болѣе широкіе слои: сперва на міровой сценѣ дѣйствующими лицами были короли и первосвященники, затѣмъ—сильное дворянство, позднѣе буржуазія, а теперь на очереди уже толпа, народъ, самое основаніе человѣческой пирамиды.

Глядя съ внѣшней стороны на историческій процессъ, мы не только не видимъ единства, наоборотъ, вся эта борьба стремится какъ бы къ разъединенію людей и къ противопоставленію ихъ интересовъ. Но это—только видимости. Теософъ, обладающій ключемъ къ загадкамъ жизни, знаетъ, что человѣчество—едино, знаетъ что несмотря на всѣ видимости, оно представляетъ изъ себя *единый живой организмъ*, съ единой душой и единымъ сознаниемъ; и что вся работа, совершающаяся внутри этого организма, всѣ его творческіе процессы, нужны не только для той отдѣльной

части, въ которой эти процессы творятся въ данное время, но и для жизни цѣлаго, что всѣ разнообразныя задачи, вся совокупность дѣятельности *всего* человѣчества стремится къ одной и той же цѣли, направляемая единой волей.

Изучая историческій процессъ съ его *внѣшней стороны*, можно догадываться о значеніи отдѣльныхъ эпохъ, можно даже опредѣлить ближайшія причины тѣхъ или другихъ историческихъ событій, но понять общій смыслъ и истинное значеніе всей человѣческой судьбы по однѣмъ только видимостямъ такъ же невозможно, какъ для отдѣльнаго человѣка, не подозревающаго о законѣ причинности (Кармы), невозможно объяснить — почему онъ родился въ той или иной семьѣ, почему онъ бѣденъ или богатъ, уменъ или глупъ, почему совершаются именно *эти*, а не иныя событія въ его жизни. Не видя внутреннихъ пружинъ человѣческой эволюціи, естественно, что каждый наблюдатель даетъ ей различныя объясненія, смотря по тому, на которую изъ ея сложныхъ сторонъ направлено его знаніе и вниманіе: для историка, занятаго болѣе всего политикой государствъ, наиболѣе важными моментами будутъ совсѣмъ не тѣ, которые имѣютъ рѣшающее значеніе для политика-эконома, видящаго въ экономическомъ строѣ разгадку всѣхъ жизненныхъ явленій данной эпохи; иныя объясненія совершающимся событіямъ будетъ давать философъ-позитивистъ, и иначе будетъ понимать тѣ же событія человѣкъ съ религіознымъ опытомъ.

И всѣ они будутъ правы съ своей частной точки зрѣнія, но схватить всю связь явленій, какъ нѣчто цѣлое, можетъ только тотъ, кто сознаетъ человѣчество какъ единство, кто видитъ во всемъ историческомъ процессѣ единый смыслъ, направляющій потокъ земной жизни къ единой цѣли.

Оккультистъ, признающій разлитую во всей вселенной единую Жизнь, утверждаетъ, что человѣческій организмъ состоитъ изъ „бесконечно малыхъ жизней“, строящихъ его подъ воздѣйствіемъ созидающей энергіи жизне-силы (праны). Группа такихъ „бесконечно малыхъ жизней“ образуетъ ту единицу, которая въ наукѣ извѣстна подъ названіемъ органической клѣтки; каждая такая клѣтка является живой сущностью, одушевленной лучемъ праны; тѣло ея состоитъ изъ молекулъ, которыя ассимилируются и затѣмъ выбрасываются, вдыхаются и изгоняются, тогда какъ центральная суть клѣтки, ея душа, остается неизмѣнной въ этой постоянной смѣнѣ матеріи. Работа клѣтокъ въ нашемъ организмѣ,

извлеченіе изъ крови именно того, что имъ нужно, и отбрасываніе ненужнаго, представляетъ собой *чисто физическое сознание*. Оно совершается безъ всякаго участія со стороны нашего *человѣческаго сознанія*. То, что биологи называютъ „безсознательной памятью“, есть память именно этой чисто физической сознательности. Мы чувствуемъ не то же самое, что чувствуютъ клѣтки. Боль отъ раны ощущается мозговымъ сознаніемъ, но сознаніе клѣтки ощущаетъ не боль, а потребность какъ можно скорѣе возстановить поврежденныя ткани, при чемъ это ея дѣйствіе остается внѣ сознанія нашего мозга; точно также и клѣтка не подозрѣваетъ связи своего творчества съ жизнеспособностью всей сложной природы человѣка. Смерть физическаго тѣла наступаетъ тогда, когда удаленіе изъ него жизненной энергій (праны), направлявшей „безконечно малыя жизни“, даетъ этимъ послѣднимъ свободу итти каждый своимъ собственнымъ путемъ. Тогда „безконечно малыя жизни“, не связанныя болѣе между собой *единствомъ* цѣли, рассыпаются, и наступаетъ то, что мы называемъ разложеніемъ. Тѣло дѣлается круговоротомъ *анархіи*—никѣмъ не управляемыхъ „безконечно малыхъ жизней“ и его форма, бывшая результатомъ ихъ планомѣрнаго соотношенія, разрушается.

Если мы сравнимъ отдѣльнаго человѣка, не сознающаго своей связи съ остальнымъ человѣчествомъ, съ такой клѣткой внутри человѣческаго организма, мы будемъ имѣть приблизительно вѣрное отношеніе дѣятельной роли каждой воплощенной личности къ общечеловѣческому творчеству*). Своими личными дѣятельностями люди буквально строятъ общечеловѣческой организмъ, являясь то мускульными, то жировыми клѣтками, то нервными и мозговыми, сообразно съ характеромъ своей дѣятельности.

Продолжая аналогію, можно найти внутри нашего организма примѣры всевозможныхъ явленій, творящихся и на міровой исторической сценѣ. Напримѣръ, внутри нашего тѣла совершаются такія же братоубійственныя войны, какъ и среди различныхъ народовъ: арміи однѣхъ бактерій, имѣющихъ тенденцію разрушать человѣческой организмъ, набрасываются на другихъ, которыя защищаютъ его неприкосновенность, и между ними разыгрываются ожесточенныя битвы, напоминающія франко-прусскую кампанію. Обѣ микроскопическія рати имѣютъ свое собственное сознаніе, не поднимающееся до сознанія самого человѣка, въ нѣдрахъ ко-

Прошу читателя не упускать изъ виду разницу между переходящей личностью и безсмертной индивидуальностью, о чемъ рѣчь шла въ прошломъ письмѣ.

тораго происходитъ эта борьба, и все же онѣ работаютъ въ немъ и для него *), хотя и не подозрѣваютъ о томъ.

И не трудно представить себѣ, до чего поднялось бы сознание этихъ микробовъ, какъ безпредѣльно расширились бы ихъ горизонты, если бы они въ одинъ прекрасный день узнали, что они—живыя звенья въ цѣпи глубоко важныхъ явленій, участники въ созиданіи жилища безсмертнаго человѣческаго духа.

Такой же подъемъ и расширение сознанія совершится неизбежно и въ умахъ тѣхъ безсознательныхъ личностей, которыя увѣрены, что дѣйствуютъ за свой счетъ, когда ихъ озаритъ сознание, что ихъ работа и ихъ опытъ необходимы для всего человечества.

Посмотрите съ этой новой точки зрѣнія на задачи, осуществляемыя различными народами, одними—неудачно, другими—посредственно, а иными—въ совершенствѣ. Въ послѣднемъ случаѣ становится уже совершенно яснымъ, что народъ работалъ не для себя одного, а для всего человечества. Возьмемъ хотя бы задачу древней Греціи—провести черезъ сознание гармоническую красоту формъ, ея миссію: заставить „обликъ безсмертія провидѣть въ смертныхъ чертахъ“.

Кто былъ въ современной Греціи, тотъ видѣлъ какъ далеко улетѣлъ отъ нея свѣтлый гений древней Эллады, какая глубоко прозаическая жизнь лихорадочной борьбы изъ за куска хлѣба и всевозможныхъ ухищреній торгашества водворилась на развалинахъ древнихъ святилищъ, гдѣ юное человечество въ дерзко-свѣтлой отвагѣ бросало вызовъ богамъ, и упивалось титанической борьбой съ Олимпомъ... Та же рама, тѣ же блѣдно-лиловыя холмы какъ бы таятъ въ яркой синевѣ Эгейскаго моря, также пламенно дышитъ юное небо въ прорѣзяхъ одухотворенныхъ колоннъ Коллизея, также нѣжно „разливается на мраморѣ юнымъ румянцемъ заря“... Но гдѣ свѣтлый духъ героической Эллады? Гдѣ ея Орфическіе гимны, которымъ сама природа внимала, затаивъ дыханіе, гдѣ властительная тайна ея мистерій? Гдѣ ея гений? — Его нѣтъ въ Греціи, онъ растворился въ душѣ всего человечества, онъ вызвалъ къ жизни чудный вѣкъ Возрожденія, онъ воплотился въ

*) Для нашей арийской расы „созидатели“ берутъ верхъ въ теченіе первыхъ 35 лѣтъ жизни, затѣмъ наступаетъ равновѣсіе, а позднѣе—начинаютъ преобладать „разрушители“, которые приводятъ наше тѣло къ постепенному разрушенію тогда, когда *весь необходимый для этого воплощенія опытъ* уже собранъ и дальнѣйшее проживаніе на землѣ было бы излишней тратой энергіи.

живописи и скульптурѣ, онъ вдохновлялъ благороднѣйшіе умы, онъ не переставалъ свѣтити въ міровой поэзіи.

Тоже и съ древнимъ Римомъ. Гдѣ его душа? Гораздо менѣе на его семи холмахъ, чѣмъ въ нашихъ парламентахъ, думахъ, скупщинахъ, меджелисахъ. Каждое творчество, удачно доведенное до конца тѣмъ или другимъ народомъ, принадлежитъ всему человѣчеству, растворяется въ сознаниіи общемъ для всей великой человѣческой семьи, и воскресаетъ снова при новыхъ условіяхъ и на новыхъ ступеняхъ сознанія.

Кто же не знаетъ, что народное творчество оставляетъ слѣды на общечеловѣческомъ сознаниіи, могутъ сказать нѣкоторые изъ моихъ читателей.

Если это и знаютъ, отвѣчу я, то какимъ-то мертвымъ знаніемъ, отвлеченнымъ отъ жизни, неспособнымъ—какъ должно бы истинное знаніе—одухотворять самую жизнь.

Мы вообще очень безцеремонно обращаемся съ словомъ *знаніе*. Знаніе должно пройти черезъ весь сложный внутренній міръ чловѣка, отчеканиться въ *сознаниіи*, проникнуться живой силой *чувства*, пройти черезъ творчество *воли*, и только тогда это будетъ *истинное, живое* знаніе. А мы сплошь и рядомъ называемъ знаніемъ чужія мысли, пронесшіяся черезъ нашъ мозгъ, не задѣвшія наше сердце, и нисколько не повліявшія на нашу волю; и такъ какъ мысли эти не связаны органически съ нашимъ внутреннимъ содержаніемъ, то въ нашемъ сознаниіи и появляется хаосъ, рѣзкія противорѣчія, постоянныя компромиссы. Развѣ не глубокое противорѣчіе — говорить о Вселенской Церкви, о Царствіи Божіемъ на землѣ, и въ тоже время разъединять чловѣчество величайшимъ внутреннимъ разъединеніемъ на двѣ части: на усыновленныхъ Богомъ христіанъ и на милліоны отверженныхъ, лишенныхъ Его благодати? Еслибы истинное знаніе чловѣческаго единства дѣйствительно проникло въ сознаніе руководителей народовъ, развѣ былъ бы возможенъ узкій, національный эгоизмъ, самодовольно надписывающій на своемъ знамени: „Германія только для нѣмцевъ“, „Англія только для англичанъ“, что въ переводѣ на чловѣческія понятія означаетъ: нѣмцамъ или англичанамъ позволяется убивать, обижать, отнимать земли, заставлять силою дѣлать другихъ то, чего эти другіе вовсе не хотятъ дѣлать, если всѣ эти преступленія совершаются для „блага отечества“. Не говоря уже о томъ чловѣконенавистничествѣ, которое способно призывать къ насилію надъ своими ближними только потому, что у этихъ ближнихъ иное прошлое и иная вѣра въ Бога...

Можетъ ли быть знаніе *единства челоѣчества, преемственности его генія, непрерывности его сознанія* у людей, которые, забывая или совсѣмъ не зная великую культурную работу древняго востока, презрительно третируютъ какъ низшихъ существъ потомковъ древнѣйшихъ просвѣтителей нашей арійской расы, какъ это дѣлается англичанами въ Индіи? Или, когда люди считающіе себя просвѣщенными, допускаютъ возмутительную травлю беззащитныхъ евреевъ, забывая, что древніе евреи выполняли величайшую изъ миссій, когда либо выпадавшихъ на долю отдѣльнаго народа — удержать и сохранить идею единого Бога для всѣхъ арійскихъ народовъ въ труднѣйшую переходную эпоху челоѣческой эволюціи, и что тѣ же евреи дали земное тѣло для нашего Спасителя Иисуса Христа.

И это допускаютъ тѣ самые люди, которые чтутъ, какъ величайшую святыню, и сохраняютъ на священныхъ алтаряхъ своихъ храмовъ св. Писаніе тѣхъ же преслѣдуемыхъ евреевъ, и которые должны бы знать, если они дѣйствительно люди просвѣщенные, что въ распятіи Христа была повинна, сильная въ тѣ времена, религиозно-политическая партія Фарисеевъ совмѣстно съ представителями еврейскаго священства Саддукеями, которые хотѣли удержать свое вліяніе, подрывавшееся Христовой проповѣдью духовной свободы и совершенной любви.

Если мы захотимъ дать себѣ отчетъ, *какія* черты дѣлаютъ для насъ обликъ челоѣка свѣтлымъ и вдохновляющимъ, то совѣсть безошибочно подскажетъ намъ, что только тѣ черты, которыя говорятъ объ отсутствіи эгоизма, о самопожертвованіи, о воплощеніи высокаго идеала. То же относится и къ цѣлымъ народамъ. Какія страницы въ челоѣческой исторіи вызывали истинный энтузіазмъ? Ужъ конечно не Марсово поле, не Wacht am Rhein, не торжествующее великолѣпіе имперіализма. Все это мишура и можетъ очаровать лишь физическое воображеніе. Вызываетъ энтузіазмъ то, что ведетъ къ общечелоѣческому благу, къ водворенію не условной, а вѣчной Правды на землѣ, къ совершенству и красотѣ божественной природы челоѣка, а не къ торжеству его звѣриной природы. Вотъ почему французская революція пронеслась такимъ свѣтлымъ благовѣстомъ по всему міру. Какъ не была она искажена и грѣховна въ своемъ выполненіи, она выставила на своемъ знамени не „права французовъ XVIII вѣка“, а *права челоѣка*, она выбрала своимъ лозунгомъ не эгоистическіе интересы одного французскаго народа, а *общечелоѣческое братство, равенство и свободу*. И въ этомъ была вся тайна

ея обаянія. Только всеобщее, міровое, имѣющее цѣну для всѣхъ временъ и для всѣхъ народовъ, зажигаетъ истинный энтузіазмъ въ нашихъ сердцахъ и только сердце, способное загорѣться любовью ко всему Божьему міру, и близкому, и дальнему, обладаетъ ясновидѣніемъ, оно одно чувствуетъ, что все человѣчество едино, и что только въ сознательномъ единствѣ можетъ оно осуществить Царство Божіе на землѣ.

Помнить ли кто-либо изъ моихъ читателей удивительный моментъ въ русскомъ самосознаніи, который по глубинѣ своего мистическаго значенія имѣетъ мало равныхъ себѣ? Я говорю о томъ единомушномъ энтузіазмѣ, который удалось вызвать Достоевскому своей рѣчью на Пушкинскомъ Московскомъ торжествѣ, когда онъ заговорилъ о русскомъ человѣкѣ, какъ о „всечеловѣкѣ“, который принялъ въ свою душу творчество всѣхъ западныхъ народовъ, и такъ возлюбилъ красоту этого творчества, что она стала для него ближе и дороже, чѣмъ для самихъ творцовъ... И что если онъ возжаждетъ осуществить правду Божію на землѣ, то непременно для всѣхъ, никого не выключая, всѣхъ соединивъ въ своемъ пониманіи и въ своей любви. И для другого выразителя русской народной души, Л. Н. Толстого, патріотизмъ совершенно непонятенъ въ смыслѣ національнаго эгоизма и національной узости, и не вслѣдствіе ли этой великодушной ширины его души, способной отзываться на все человѣческое, онъ сталъ такъ дорогъ для всего міра? И для Достоевскаго и для Толстого, а также и для Владиміра Соловьева, патріотизмъ не въ томъ, чтобы во имя русскихъ интересовъ давить другихъ, а въ томъ, чтобы служить этимъ другимъ, стараясь приблизить для всѣхъ торжество высшей правды на землѣ. Вспоминается мнѣ и еще одинъ изъ нашихъ наиболѣе чуткихъ писателей: у Щедрина, въ его страдальческомъ сарказмѣ, полномъ невыплаканныхъ слезъ, встрѣчаются такія же вспышки нашей русской особенности: стремиться къ далекому и абсолютному, не придавая цѣны доступному и условному. Его незабываемый діалогъ между благовоспитаннымъ и причесаннымъ мальчикомъ „въ штанахъ“ и русскимъ мальчикомъ „безъ штановъ“, растрепаннымъ и несуразнымъ, выражаетъ ту же мысль, что условная земная культура не можетъ удовлетворить душу, жаждущую абсолютной правды и что за такую культуру не слѣдуетъ отдавать свободы своей души.

И русскіе соціалисты—я подразумѣваю не переводчиковъ Маркса—а творцовъ оригинальныхъ русскихъ соціальныхъ идей, направляютъ все свое вниманіе не на производство и накопленіе,

которыя вызываютъ жадность и эгоизмъ, а на справедливое распределение, не на борьбу и конкуренцію, а на согласованіе интересовъ и взаимопомощь. Князь Кропоткинъ въ своей интересной книгѣ „Взаимопомощь у животныхъ и людей“ опровергаетъ вкоренившееся въ Европѣ представленіе о переживаніи наиболѣе сильнаго, хищнаго и жестокаго. Книга эта доказываетъ, что въ мірѣ животныхъ наибольшими шансами на сохраненіе жизни обладаютъ не тѣ, которые снабжены самыми страшными зубами и когтями, а тѣ, которые живутъ въ тѣсномъ содружествѣ, заботясь объ общей безопасности и поддерживая другъ друга. Тотъ же выводъ онъ дѣлаетъ и для людского общежитія. Общественный строй, наиболѣе согласующійся съ требованіями просвѣщенной этики, является въ то же время и наиболѣе мудрой изъ всѣхъ земныхъ политикъ: находясь въ гармоніи съ законами Духа или съ Волей Бога, такая политика служить жизни, прогрессу, поднятію сознанія и очеловѣченію народовъ.

Въ слѣдующемъ письмѣ мы постараемся рассмотреть, какое значеніе можетъ имѣть сознаніе единства народовъ для нашей эпохи.

Другъ читателя.

Зажженная лампа горитъ одинаково и въ комнатѣ, и въ подземельѣ. Счастье человѣка не въ тѣлѣ его, а въ душѣ. Если сердце человѣка полно радости, онъ счастливъ даже въ тюрьмѣ.

Богъ благословилъ Своихъ возлюбленныхъ трудами и страданіями, чтобы посредствомъ ихъ они могли достигъ Божественной Мудрости.

Изъ Табличекъ Беа-Улла.